

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УРОВНЕВОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Саттарова Елена Анатольевна

Термезский государственный университет, Узбекистан

***Аннотация:** Статья посвящена сопоставительному исследованию лингвокультурологических особенностей уровневой лексико-семантической группы эвфемизмов русского и узбекского языков.*

При исследовании сопоставительной классификации лексико-семантической группы эвфемизмов русского и узбекского языков для выявления лингвокультурологических особенностей той или иной национально-культурной речевой среды, данные языковые единицы в статье подразделяются на две группы – лексические однословные эвфемизмы и эвфемистические сочетания разной степени спаянности компонентов. Данные группы соответствуют различным коммуникативным установкам и коммуникативным реакциям носителями русского и узбекского языков.

***Ключевые слова:** эвфемия, эвфемизм, лингвокультурология, сопоставление, эвфемизация речи, однословные эвфемизмы, эвфемистические сочетания.*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение эвфемии в настоящее время является актуальной лингвокультурологической проблемой, ведь процессы образования эвфемизмов как слова или выражения, которыми заменяют в языке грубое, неприличное, с неприятной окраской слово, происходят чрезвычайно интенсивно, о чем свидетельствует широкое использование эвфемистических единиц в речи. Несмотря на то, что описанием средств и целей эвфемизации в русском и узбекском языках за последние десятилетия занимались ученые разных школ, актуальность выбранной темы определяется недостаточной изученностью лингвокультурных особенностей эвфемии в сопоставительном плане.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена обращением лингвокультурологических особенностей уровневой лексико-семантической группы эвфемизмов в языке на русском и узбекском языках в сопоставительном плане, к проблемам речевого воздействия в обоих языковых национально-культурных менталитетах, функционального аспекта единиц языка.

В эвфемизмах как единицах вторичной номинации ярко проявляется человеческий фактор, ведь они мотивированы психологически и социально, отражают оценку адресантом определенного явления. Именно поэтому, в данной статье, была предпринята попытка сопоставительного анализа небольшой лексико-семантической группы эвфемизмов русского и узбекского языков.

Исследование эвфемизмов проводится по многим аспектам на материале различных языков. В российском языкознании вопросы функционирования эвфемизмов поднимались в работах А. А. Реформатского, Л. П. Крысина, В. П. Москвина, А. М. Кацева, Н. И. Формановской, Т. Л. Павленко, В. С. Санникова, О. П. Сеничкина, Л. Н. Саакяна, Н. В. Прядыльниковой. В Узбекистане проблеме эвфемии посвятили свои научные труды лингвисты А. Ж. Омонтурдиев, Х. Кодирова и др.

Проведённый сопоставительный анализ лексико-тематических групп при помощи эвфемизации в русском и узбекском языках, позволяет выявить лингвокультурологические особенности проявления вежливости в речевом поведении носителей двух совершенно разных языков для гармонизации коммуникативной среды.

Цель статьи предусматривает анализ лингвокультурологических особенностей основных подходов к изучению уровневой лексико-семантической группы эвфемизмов в сопоставительном плане двух языков, которая реализуется при помощи выяснения основных аспектов их употребления в сопоставительном плане, с точки зрения социальной природы, сфер функционирования и использования эвфемизмов в языковой

среде русского и узбекского народов. Изучение семантических характеристик и прагматической направленности этого явления, позволит глубже понять сущность процессов эвфемии для дальнейших исследований указанных языковых единиц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эвфемизмы по своей природе представляют собой сложное и многоплановое лингвокультурологическое явление.

По поводу классификации эвфемизмов существуют различные взгляды. Впрочем, все они открывают общую причину эвфемизации речи – стремление избегать конфликтности общения [1, с. 57].

При выполнении сопоставительной классификации лексико-семантической группы эвфемизмов русского и узбекского языков для выявления лингвокультурологических особенностей той или иной национально-культурной речевой среды, данные языковые единицы подразделяются на группы, соответствующие различным коммуникативным установкам и коммуникативным реакциям носителями различных языков.

Основным препятствием для адекватного сопоставления эвфемизмов является несогласованность понятийных систем разных языков. Именно поэтому при переводе большинства представленных лексем рекомендуется добавление более или менее развернутых лингвокультурных комментариев, разъясняющих денотативные и коннотативные семы, присущие лексеме в языке оригинала [2, с. 79].

При уровневой классификации малочисленной лексико-семантической группы русского и узбекского языков эвфемизмы подразделяются на два типа:

1. лексические однословные эвфемизмы, например:

1) рус. эвф.: **«заливать, клюкать, потягивать, употреблять, опрокинуть»** (вместо (далее – вм.) прям. наименования порочного действия *пить водку*)); узб. эвф.: **«bo‘shatmoq»** (вместо прям. наименования порочного действия *пить водку*, на русский язык можно перевести *опустошить*

стакан)), «**jo‘natmoq**» (вм. *пить водку*, переводится на русский язык – *отправить*), «**ko‘tarmoq**» (вм. *пить водку*, переводится на русский язык – *поднимать*), «**olmoq**» (вм. *пить водку*, переводится на русский язык – *взять, брать*);

2) рус. эвф.: «**зона, исправдом, колония, лагерь, учреждение**» (вм. *тюрьма*); узб. эвф.: «**авахта**» (вм. *qatqxoqa* – *тюрьма*, точному переводу на русский язык не подлежит, но имеет эвфемистическое значение «**зона**»). В условиях билингвизма в узбекский язык перебазировались некоторые русские эвфемизмы, например, «**zona, lager, kurort**» (русские – *зона, лагерь, курорт*). Например, эвфемизм «**oromgoh**» также имеет прямое значение слова *тюрьма*, но не подлежит точному переводу на русский язык.

3) рус. эвф.: «**Диана, сокровище, клад, целомудренная**» (вм. *девственница*); узб. эвф.: В узбекском языке слово «**bakorat**» переводится как *девственность*, но данное слово в узбекской культуре речи не является грубым, так как имеет другой эквивалент данного понятия, который звучит как «**qizlik**», имеет значение *девственности*, но не является словом эвфемизмом, и требует завуалированности в речи. Эвфемизмы «**nomus, or**» (также невозможно перевести на русский язык путем калькирования, имеют значение – *девственность*), эвф. «**o‘sha**» (вм. *девственница* переводится на русский язык как «*это она*») и др.

2. эвфемистические сочетания разной степени спаянности компонентов, например:

1) рус. эвф.: «**за галстук (за воротник) заливать, в питии усердный, любитель выпить, любитель национального спорта, приверженец Бахуса, часто прикладывается к бутылочке, за галстук заливающий**» (вм. *быть пьяницей*); узб.эвф.: «**ikkita bo‘lib ko‘rinmoq**» (переводится на русский язык – *видеть двух*, вместо узб. *tast bo‘lmoq* – *быть пьяным*), «**laqillab qolmoq**» (вм. *пьяный*, имеет двоякий перевод на русский язык – *спотыкаться* и *заговариваться*), «**me‘yoridan oshmoq**» (вм. *пьяный*, переводится как *превышать норму*), «**olamdan o‘tmoq**» (вм. *пьяный, пьянство*, но если

перевести на русский язык, то данное слово будет иметь совсем иное значение – *скончаться*). В узбекском языке очень много эвфемизмов заменяющих лексико-семантическую группу слов – *пьяный* или *пьяница* и т.п. В различных источниках, мы нашли более 20 эвфемизмов узбекского языка, заменяющих данные, являющиеся грубыми и неприятными, порою матерными для узбекского менталитета слов. Узбекский народ, в принципе, следуя древним обычаям и традициям, часто прибегает к завуалированности различных понятий, не только по отношению к данной группе слов, но и других различных понятий, которые считаются не употребляемыми в речи для данной национально-культурной среды общения [3, с. 99].

Вообще, что касается наименований в сфере наименования человеческих пороков, среди них много косвенных переносных. В сопоставляемых языковых системах тематическая группа обозначения «алкоголизм человека» включает различные способы образования эвфемизмов.

2) Среди тематических групп эвфемизмов русского языка существуют малочисленные группы. Эвфемизмы малочисленных групп употребляются в ограниченных ситуациях, но регулярно. Например: рус. эвф.: *«места не столь отдаленные, исправительное заведение, казённая квартира, казённый дом, казённые хлеба, места лишения свободы»* (вм. тюрьма); узб.эвф.: *«panjara orti»* (вм. qatоqхона – тюрьма, точному переводу на русский язык не подлежит, но имеет эвфемистическое значение *«места не столь отдаленные»*), *«sim orti»* (вм. qatоqхона – тюрьма, точному переводу на русский язык не подлежит, но имеет эвфемистическое значение *«закрытая зона»*), *«o'sha yer»* вм. qatоqхона – тюрьма, переводится на русский язык как *та земля*);

3) рус. эвф.: *«не лишенная невинности, сохранившая невинность, цветок целомудрия, прекрасная Диана, целомудренная дева»* (вм. девственница); узб. эвф.: *«bahorni ko'rtagan cheshak»* (вм. девственница, переводится на русский язык – *цветок, который не видел весны*), *«Dunyo*

ko‘rmagan» (вм. *девственница*, переводится на русский язык – *не выдавшая мира*), *«yovvoyi qush»* (вм. *девственница*, переводится на русский язык – *дикая птица*) и др.

Любые изменения в языке свидетельствуют, прежде всего, о том, что язык не является неподвижной системой, а, наоборот, представляет собой развивающееся, постоянно подвергающееся изменениям динамическое целое [4, с. 71].

Изучение эвфемизмов в различных языках позволяет внести вклад в изучение национального своеобразия языковой картины мира и речевого поведения носителей русского и узбекского языков.

В российской лингвистике первую лексико-семантическую классификацию предложил А.М. Кацев (1989). В Узбекистане первым по данному вопросу дал определение А.Ж.Омонтурдиев (2000).

Необходимо отметить, что задача гармонизации понятийных систем разных этносов и социальных групп весьма непростая. Не вдаваясь в подробный анализ национальных, групповых и индивидуальных тезаурусов, который выходит за рамки нашей статьи, приведем несколько лексико-семантических групп эвфемизмов, иллюстрирующих трудности, стоящие на пути к решению этой задачи.

С точки зрения лексико-семантической классификации в обоих языках выделяются следующие группы эвфемизмов:

- наименования сверхъестественных сил: рус. эвф. *«он»* – вм. *черт, леший; лукавый, нечистый, нечистый дух*; узб. *«у»* – вм. *iblis*, рус. *дьявол*;
- наименования понятий смерти и болезней: рус. эвф. *«безносая»* – вм. *смерть; «это, болезнь»* – вм. прямого названия болезни, *«опухоль, онкология»* – вм. *рак*); узб. эвф. *«педикулез»* – вм. *вшивость, «педикулез»* – вм. *bosh bitlari* рус. *вшивость*); *«венера»* (со строчной буквы) – вм. *венерическая болезнь*; узб. *«kelmaslik, ketmoq»* – вм. *o‘lmoq* рус. *умереть; «betob»* – вм. *kasal bo‘lmoq* рус. *болеть*;

- наименования человеческих недостатков (физических и психических): рус. эвф. *«не слышащий»* – в.м. глухой; *«незрячая»* – в.м. слепая; *«того, душевнобольной»* – в.м. сумасшедший; узб. *«botil, eshitmaydi»* – в.м. kar рус. глухой, *«a'mo, basir, zarir»* – в.м. ko'g рус. слепой, *«aqsliz, aynigan»* – в.м. jinni рус. сумасшедший);

- наименования человеческих пороков: рус. эвф. *«потерянный»* – в.м. опустившийся, конченный, *«нечист на руку»* – в.м. вор, *«пьющий, поклонник Бахуса»* – в.м. пьяница, *«донжуан, женолюб»* – в.м. бабник, гулящий, *«клептоман»* – в.м. имеющий пристрастие к воровству, *«голубой»* – в.м. гомосексуалист, *«магдалина, жрица любви»* – в.м. продажная женщина; узб. эвф. *«bepusht, bezurriyot, pushtsiz»* – в.м. xezalak рус. гомосексуалист, *«bebosh, donjuan, zinokor»* – в.м. хотинбоз рус. гулящий, эвф. *«ayni moq, anandaqa, bezak, buzuq»* – в.м. jalab рус. продажная женщина);

- наименования, относящиеся к половой сфере (интимные отношения, отношения полов, отношения между мужчиной и женщиной): рус.эвф. *«заниматься (заняться) любовью, интимная близость, клубничный»* [5] – в.м. прям. обозначения совершать (совершить) половой акт; узб. *«aylanishmoq, aloqa qilmoq, bormoq»* – в.м. jinsiy aloqa qilmoq рус. половой акт и др.

- наименования физиологических процессов и состояний: беременности, родов, рождения детей: рус. эвф.: *«будущая мать, в марьяжном интересе, в (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении, в тягости, в тягостях, ждет ребенка, в интересном положении, ждет аиста, на сносях, ожидает ребенка, с прибылью, собирается стать матерью»* - в.м. беременная; *«залететь, затяжелеть, отяжелеть, понести, потянуло на соленькое»* - в.м. забеременеть; *«округлился живот»* [6] - в.м. проступили признаки беременности. разг. яз. эвф.; узб. эвф.: *«boshqoronqi bo'lmoq»* (находящаяся под контролем), *«bo'yida bo'lmoq»* (не имеет перевода, т.е. не имеет эквивалента в русском языке), *«vujud»* (тело), *«gavhar»* (жемчуг), *«gumon»* (не имеет перевода),

«*gumoni bor*» (не имеет перевода), «*donni cho'qimoq*» (перемалывает зерно), «*doq paydo bo'lmoq*» (время иметь пятна на лице), «*dujon*» (не имеет перевода), «*duqat duqat*» (не имеет перевода), «*ikkiqat*» (двое), «*ko'ngli sust ketmoq*» (обескураженная), «*natija hosil bo'lmoq*» (ждет результаты плода), «*nishona paydo bo'lmoq*» (идущая к цели), «*oy-kuni yaqin*» (близок день и месяц), «*oyog olishi galati*» (странно ходящая), «*oyogi ogir*» (тяжелая нога); «разрешиться от бремени сыном или дочери» – в.м. родить; узб.эф.: «*vola ko'rmoq*» (увидеть ребенка), «*volali bo'lmoq*» (заиметь ребенка), «*bo'lmoq*» (стать), «*vo'shalmiq*» (освободиться), «*vo'shalib olmoq*» (освободиться), «*vujudga kelmoq*» (чтобы появиться), «*dunyoga kelmoq*» (прийти в этот мир), «*dunyoga keltirmoq*» (принести в мир), «*qutilib olmoq*» (переводится – быть сохраненным, имеет значение – быть выношенным), «*qo'shaloq bo'lmoq*» (переводится – будет объятие, имеет значение – прижать к груди), «*hadya etmoq*» (сделать подарок) – в.м. родить, рождение ребенка, рождение детей.

- обозначения частей тела, связанных с «телесным низом»: мужских и женских органов и женской груди, ягодиц: рус. эф.: «*вагина, вагинальный, волосянка, гениталии, золотник, интимные места, кунка, лоно, между ног, нижний этаж, область бикини, одно место, пах*» - в.м. прям. наименования женского детородного органа; узб. эф.: «*avrat*» (аура женщины), «*veldan past*» (ниже талии), «*voshqa joy*» (другое место), «*vi yer*» (это место), «*muhabbat qunchasi*» (уголок любви), «*qorindan pas*» (низ живота); «второе сердце мужчины, инструмент, конец, мужское достоинство, прибор, слово их трех букв, фаллос, фаллус, хозяйство» - в.м. прям. наименования мужского полового органа; узб. эф.: «*olat*» (мочевыводящие пути у мужчин, иногда в разговорной речи имеет значение простатит), «*old*» (не имеет точного перевода, обозначает мужской орган у мужчины с большим животом); рус. эф.: «*бюст*» – в.м. женская грудь, «*перси*» – в.м. женские груди; узб. эф.: «*vo'yindan quyi*» (ниже шеи), «*tamma*» (кормящая грудь), «*sut bezi*» (молочные железы), «*emizik*» (грудь); рус. эф.: «*вторые девяносто, другая часть тела, зад, задик, задница,*

интимные места, мадам сижу, место от куда ноги растут, мягкое место, ниже спины, одно место, пона, мягкое место» – в м. прям. наименования ягодиц; узб. эвф.: «*dum, dumba*» (переводится как жир, но имеет значение – ягодица), «*ket*» (задница), «*orqa*» (зад, нижняя часть от спины), «*yumshoq joy*» (мягкое место), «*o'sha yer*» (мягкое место), «*vez*» (не имеет прямого перевода на русский язык, означает ягодицы).

Проанализировав эвфемизмы русского и узбекского языков, мы видим, что для каждой из обозначенных сфер нашлось достаточное количество подтверждающих их эвфемизмов. Две разные культуры, русская и узбекская, схожи в речеповеденческом аспекте. Употребление эвфемизмов как проявление вежливого, внимательного поведения, намерение избежать конфликтных ситуаций, показать благоприятное расположение к человеку, заинтересованность в его состоянии, положении характерны для обеих рассматриваемых нами культур.

Стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности приводит, прежде всего, к комплексному исследованию сущности сопоставительной лингвокультурологической компетенции [7, с. 9-10]. эвфемистического смысла, исследовать основные принципы эвфемизмов

Таким образом, сопоставительный характер, решает основные проблемы менталитетных особенностей двух совершенно разных народов, при помощи основных эвфемистических единиц и взаимодействия этих единиц в двух разноструктурных языках.

Русская и узбекская культуры очень отличны друг от друга по своим традициям, обычаям, укладу жизни, характерам и нравам людей, жизненным стереотипам и целям, но вежливое поведение, а именно использование

смягченных, тактичных, нейтрально окрашенных слов и выражений – эвфемизмов в определенных жизненных ситуациях совпадают.

На разных этапах развития общества и языка становятся актуальными и неактуальными различные группы эвфемизмов [8, с. 17]. Как представляется, в современном русском и узбекском дискурсе продуктивны вышеназванные группы эвфемизмов как в русской, так и в узбекской национально-культурной среде.

Большинство этих групп эвфемизмов достаточно проиллюстрированы в работах по эвфемии той или иной отдельной языковой системы, но не имеется в лингвистической научной базе процесса сопоставления эвфемизмов русского и узбекского языков. Поэтому в данной статье дается характеристика небольшой группы наименований некоторых лингвокультурологических особенностей уровневой лексико-семантической группы эвфемизмов русского и узбекского языков.

Поскольку для процесса эвфемизации существенным является оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого квалифицируется как резкость, неприличие [9, с. 7].

Известно, что в разных языках и культурах предпочтение отдается определенным видам языковых единиц. Так, например, в узбекской культуре в функции обращения к незнакомому человеку традиционно предпочтительным является использование терминов родства «*aka*» (брат), «*akajon*» (брат в уменьшительно-ласкательной форме), «*tog'a*» (дядя со стороны матери, брат мамы), «*ammaki*» (дядя со стороны отца, брат отца), «*xola*» (тетя), «*yanga*» (старшая невестка), «*kelnoyi*» (старшая невестка) и т.п. особенно в ситуации разновозрастных коммуникантов. К внутренним параметрам мы относим также использование речевых клише – высказываний в повседневном общении и в строго ритуализованных ситуациях. Есть ряд исследований по данной проблематике узбекского лингвиста А.Ж.Омонтурдиева, где он определяет данную лексико-

тематическую группу, как отдельный менталитет и этнические особенности узбекской нации [3, с. 99].

Так, например, при встрече двух носителей русского языка традиционное приветствие обязательно содержит вопрос «*Как дела?*», узбеки же обязательно осведомятся «*Uydaqilar yaxshi-mi?*» (Как родные, домашние) и это свидетельствует о различиях в иерархии ценностей различных национальных культурных ценностей.

К внешним параметрам акта коммуникации мы относим невербальные средства общения, коммуникативную дистанцию, национально-культурно маркированное соотношение вербальных и невербальных компонентов коммуникации, преимущественное использование тех или иных видов коммуникативных тактик [10, с. 77]. Так, например, носители узбекской культуры более, чем носители русского языка, склонны к тактильному общению, когда путем прикладывания правой руки к груди, объятий, похлопываний, поглаживаний, рукопожатий выражается уважительное, доброжелательное отношение, симпатия друг к другу. Носители русской культуры более склонны к эксплицитному выражению своего отношения и своей оценки происходящего.

Таким образом, в ходе проделанного анализа было выяснено, что такой речевой прием вежливости, как употребление эвфемизмов, играет большую роль в жизни русского и узбекского языков и культур, к которым они относятся. Они улучшают жизнь людей, положительно влияют на ведение коммуникации, позволяют избежать конфликтных ситуаций, демонстрируют воспитание, помогают расположить к себе, придают положительно окрашенную эмоциональную характеристику словам в течение беседы. Без этого не может осуществляться ни одна коммуникация, следовательно, не может полноценно существовать и функционировать культура.

ВЫВОДЫ

Отражение национально-культурной самобытности на уровне вербальных (устных) средств общения в статье проиллюстрированы

некоторые эвфемизмы, которые служат показателем определенных стереотипов, существующих в данном обществе в данное время: очень часто то, что называется прямо в одних социальных условиях, в иную эпоху требует эвфемистических обозначений.

В силу ограниченности объема статьи в работе приводится ряд примеров эвфемизмов из анализируемых нами русского и узбекского языков.

Почему в данной статье мы обратились к сопоставительной лингвокультурологии в изучении эвфемизмов двух разноструктурных языков? Это можно объяснить стремительной глобализацией мировых проблем, необходимостью учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности [11].

Итак, подытожив вышесказанное, мы приходим к выводу, что эвфемизмы – единицы вторичной номинации, возникновение которых обусловлено лингвокультурологическими факторами.

В данной статье предпринята попытка определить сущность лингвокультурологической компетенции эвфемистического смысла, исследовать основные принципы эвфемизмов сопоставительного характера русского и узбекского языков, исследовать уровневые лексико-семантические группы эвфемизмов и взаимодействия этих единиц в двух разноструктурных языках, а также определить основные направления сравнительно-сопоставительных лингвокультурологических исследований в области эвфемизации.

Эвфемизмы имеют мощный лексико-семантический потенциал, свою специфику функционирования в различных стилях языка и речи, что требует дальнейшего исследования в сопоставительной лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюрина Е. Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка на материале соврем, англ. языка: дис. ... канд. филол. Наук. – Новгород, 1998. – 134 с.
2. Саттарова Е.А. Актуальные исследования в современном мире / Выпуск 1(57). Ч. 5. – Украина: Переяслав, 2020. – С. 78-82.
3. Омонтурдиев А.Ж. Эвфемистические основы узбекской речи. – Ташкент, 2000. – 277 с.
4. Алимжонова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. – Алматы, 2010. – 300 с.
5. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
6. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
7. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
8. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия – СПб: Просвещение, 1988. – 80 с.
9. Дегтярёва, А. Р. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка / А. Р. Дегтярёва, М. А. Осадчий // Вестник КемГУ. – 2012. – Вып.2 (50). – С. 128-132.
10. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Л. П. Крысин. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – С. 384-407.
11. Саттарова Е.А. Несовместимость эвфемизмов русского языка как основное препятствие для лингвокультурологического сопоставления/ Проблемы современной науки образования № 7 (152). – Иваново: Проблемы науки. – 2020. – DOI: 10.24411/2304-2338-2020-10703.